

Вопрос на засыпку: что общего между тем, что актеры Владимирского областного драмтеатра им. А. В. Луначарского отращивают бороды, и тем, что они же выращивают картошку?

Не обращаясь за ответом к премьеру Павлову, можно смело сказать: «денюжки». А пошире и попышнее: забота о выживании культуры в условиях рынка.

ПЕРЕЖИВ первый шок и осознав, что в отличие от идеологической преданности под одну только тонкую душевную организацию денег не дадут, актеры дело своего спасения взяли в собственные руки. С этой целью был образован Союз театральных деятелей. Но не слишком на него надеясь, владимирские служители Мельпомены срочно обзавелись земельными наделами (да, думается, и не только владимирские).

К тому же благодаря расторопности своей администрации, а именно — бывшего режиссера Ю. Галина, поставившего спектакль «Великое княжение», и благоприятному стечению обстоятельств они захватили одну из самых прибыльных театральных площадок — в Покровском монастыре в Суздале на перепутье интуристских дорог. И, отпустив бороды, необходимые для представления событий из отечественной истории, почти все лето укрепляют там свое финансовое положение.

Правда, площадка открытая и это снижает ее ценность. Но как это у нас водится, вопрос о превращении в полноценный летний театр, поставленный еще при прежнем министре культуры РСФСР Мелентьеве, стоит до сих пор никем не тронутый, лишь подпираемый надеждами одних (работников театра), да обещаниями других (в данном случае нового руководства Министерства культуры).

Впрочем, все течет, все изменяется. Все: и мироощущение,

и сознание, и деловой напор, и цены — одновременно лавинообразная бумажка и катализатор нашей жизни. Два года назад билет на спектакль «Великое княжение» стоил два рубля. Теперь, «кажется, три», — так сказали в театре и рассказали следующую историю.

Прошлым летом по окончании спектакля замдиректора взяли в оборот французы, взволнованно втолковывая ему, что поражены дешевизной. У них во Франции одна минута подобного представления стоит столько же, сколько у нас три часа полноценного, без фонограммы, действия. Кончилось тем, что западные поклонники российской музыки всучили таки свои франки, не подозревая о хлопотах, с которыми связана процедура их принятия.

Осмысливая новую информацию, выданную явно не случайно, я не могла не задать вопрос: а не получится ли так, что, с заданным опозданием, преодолев свою провинциальную застенчивость, работники владимирского театра, забудут в конце концов о своей «священной миссии» (что происходит уже в других театрах), и, сняв таможенные барьеры морали, совести, светлых идеалов, погонят культуру на продажу. Но меня утешили, заверив, что положение театра, и финансовое, и общественное, что его история и

мирового театра, забудут в конце концов о своей «священной миссии» (что происходит уже в других театрах), и, сняв таможенные барьеры морали, совести, светлых идеалов, погонят культуру на продажу. Но меня утешили, заверив, что положение театра, и финансовое, и общественное, что его история и

БЛАГОРАЗУМНАЯ МЕЛЬПОМЕНА, ИЛИ ТЕАТР «БЕЗ ГОЛОВЫ»

традиции не дают повода к столь низменным подозрениям.

Гарантом тому, как ни парадоксально, служит само местоположение театра. К примеру, здесь на сцене не справишь нужду, как это бывает на столичных подмостках. Здесь даже процесс раздевания, к которому вроде бы все уже пообвыклись, дальше груди не пошел, да и то был тут же заклеен «клубничкой». «Наш зритель привык к традиционному театру, и авангард здесь не приживется», — резюмировал ситуацию Григорий Сергеевич Шевченко, заслуженный артист РСФСР, председатель областного Союза театральных деятелей.

С ним можно поспорить, но, по сути, он, видимо, прав: в первых, хорошо знает провинцию, во-вторых, есть с чем сравнивать.

Побывав недавно в рамках культурного обмена в Западной Германии, владимирцы убедились: проблема контакта со зрителем, а стало быть, жизнеспособности театра существу-

ет и там. Разница лишь в том, что многие театры Германии находятся на 100% дотации, например, театр городка Эрланген (Бавария), куда приглашали артистов. У нас же идет обратный процесс — коммерциализация театров. Владимирский, скажем, один из самых благополучных, получает всего 40 процентов дотации, другие — и того меньше. А чем обернется для культуры необходимость обрабатывать самую себя, спрогнозировать нетрудно. В особенности если учесть наш сегодняшний культурный уровень.

По этому поводу Юрий Григорьевич с очаровательным артистизмом представил сценку, участником которой он стал.

Из любознательности посетив один из мясных магазинов Франкфурта-на-Майне, на выходе, у кассы, он по привычке пошире распахнул свою сумку, демонстрируя кассирше, что ничего не прихватил «по рассеянности». Но вместо благосклонного кивка последняя посмотрела на Юрия Григорьевича с крайним недоумением. Он повторил свое действие, одновременно пытаясь объяснить, что (честное слово!) ничего не украл. Но недоумение кассирши лишь возросло, перекинувшись на очередь, в свой черед, взвизывая на странного покупателя. И тут его осенило: эти люди не понимают, как он мог подумать, будто они подозревают его в воровстве? Холодный пот пробежал по спине Юрия Григорьевича: «И вправду, как я мог такое о них подумать?»

В труппе владимирского драмтеатра из тридцати человек десять — заслуженные артисты РСФСР, один — народный. Этим не может похвастаться ни один провинциальный театр. И тем не менее по причинам известным зрителю в него валом не валит. Если же в ряд с этой проблемой поставить застарелые болячки типа хилой материальной базы, когда декорации и костюмы при-

ходится переделывать из старья, а о замене радио- или светопаратуры и мечтать не приходится (Саранский завод, например, производящий это оборудование, потребовал недавно у театра взамен 20 тонн металла); если вникнуть в то, что местная театральная критика и реклама практически полностью отсутствуют, а талантливая театральная молодежь предпочитает искать свою судьбу в столице; а главное, что достойные режиссеры, и раньше не спешившие за лаврами в глубинку, ныне, хлебнув зарубежных воздушей, и вовсе разлюбили скромные храмы областного искусства, — станет понятно (при всем уважении к высокому искусству), что миссия театров, не являющихся в искусстве первооткрывателями, но зато сохраняющих традиции и стремящихся в наше взбаламученное время, по мере сил и возможностей, быть духовной опорой своих земляков — и трудна, и благородна.

Сейчас театр, долгое время обретавшийся без режиссера, то есть «без головы», наконец, нашел его по своим деньгам и вкусу и осенью рассчитывает начать новую жизнь. В надежде, что событием ее станет спектакль, поставленный по пьесе А. Пудина «Жизнь Василия Фивейского» (по Леониду Андрееву), в котором поднимается проблема взаимоотношений Бога и человека, поиска вечного в человеке. Станет ли этот спектакль культурным достижением? Дай Бог! Однако на память почему-то приходит мысль не новая, но повторенная Троцким в его книге «Литература и революция»: «...Для искусства нужно довольство, нужен избыток... нужно, чтобы жарче горели доменные печи, шибче вращались колеса, бойче двигались человеки, лучше работали школы...»

Людмила ИВАНОВА,
спец. корр. «Союза».
г. ВЛАДИМИР.